

Рассказ
Аглая

Валентина Москальцова

Валентина Москальцова

Рассказ. Аглая

«Автор»

2025

Москальцова В.

Рассказ. Аглая / В. Москальцова — «Автор», 2025

Захватывающая история о молодой синеокой колдунье Аглае, унаследовавшей дар колдовства от бабушки. На смертном одре бабушка взяла с нее клятву: никогда не влюбляться. Ведь любовь принесет ей погибель. Узнав об этом запрете, расстроенная Аглая все же поклялась бабушке, что не ослушается ее. Но как молодой девушке избежать любви? Под страхом смерти душа Аглаи, словно в огне, горит страстью к приезжему юноше Ивану, который остается равнодушным к ее чарам. Какие испытания выпадут на долю Аглаи и к чему приведет ее безответная любовь? Ответы на эти вопросы вы найдете в нашей истории.

© Москальцова В., 2025

© Автор, 2025

Валентина Москальцова

Рассказ. Аглая

Рассказ.

Аглая.

Часть 1.

Эта история произошла много лет тому назад, когда в удаленных деревнях отсутствовали врачи и люди обращались за помощью к ворожейкам или колдунам. В одной из таких затерянных и глухих деревушек, окутанной вечным туманом, на берегу широкой и бурной реки жила дивной красоты девушка по имени Аглая.

Волна иссиня-черных, густых волос ниспадала ниже пояса, словно ночная река. Изящный стан, отмеченный соблазнительными изгибами, манил взгляд, обещая тайны. А глубокие синие глаза, два мерцающих самоцвета, были обрамлены густыми, длинными ресницами, словно бархатом ночи.

Юноши в селении не могли отвести глаз. Сотканная из противоречий, она манила, словно магнит, и в то же время отталкивала неприступностью дикой лани. Молодые люди заворуженно следили за каждым ее движением, плененные неземной красотой. Они мечтали хотя бы прикоснуться к ее руке, чтобы убедиться, что она настоящая, а не мираж из их грез. О большем и помыслить не смели...

Жила она одна со старенькой бабушкой, которую в деревне считали урожденной колдуньей. Зла та никому не творила, лишь хранила древние знания, передававшиеся из поколения в поколение по женской линии. Весь их род по женской линии были колдунами. И бабка и прабабка и даже мать Аглаи, которая бесследно исчезла, считалась сильной колдуньей.

К самой бабушке нередко обращались за помощью: чтобы урожай был отличным, чтобы роды проходили без осложнений. Бывали случаи, когда корова давала мало молока, и тогда бабушка шептала что-то на ухо животному, и на следующий день, как по волшебству, корова начинала радовать хозяев хорошим удоєм.

Знала бабушка, где найти пропавшую вещь или заблудившуюся овцу или козу, даже человека. Могла с легкостью сказать, когда замуж выйдет девица, и какая судьба уготована.

Внучка Аглая была следующая преемница бабушкиных знаний. С самого детства она училась от бабушки разным тонкостям: ритуальная практика, жречество, целительство и многое другое. Бабушка посвящала внучку в таинства мантики – искусство видеть будущее. Учила какую использовать магическую технику, чтобы предсказывать судьбу человека.

Аглая на лету схватывала учения бабушки, ей это нравилось. Она с содроганием сердца мечтала скорее бы научиться бабушкиному волшебству.

– Бабушка, почему тебя то ведьмой кличут, то колдуньей? – как-то спросила Аглая, когда еще была маленькой. – Ведь ведьмы, говорят, злые все да колдуны тоже. А ты... Ты же для людей только добро творишь. Значит, ты и есть настоящая волшебница! – выпалила Аглая, и глаза ее заискрились детским восторгом.

– Не все колдуны и ведьмы злые. А слово «ведьма» это не обидное слово. Оно означает, что женщина «знающая», «ведающая» видит то, чего не могут видеть обычные люди. В старину таких людей уважали и, даже, почитали, как некую жрицу (старейшину). Их еще называли: вештица, волшебница, чаровница.

– Бабушка! Ты моя чаровница! – засмеялась Аглая и крепко обняла её.

По ночам Аглае снилось, что она погружается в сказочный мир волшебников, где она, будто Фея, одним взмахом руки превращает всю Вселенную в цветущий сад, или, прикосновением руки обращает злого дядю Григория, соседа напротив, в доброго и тщедушного ста-

ричка. А пьяница и дебошир Витка перестает пьянствовать и обижать свою жену. Ох, сколько же добрых пожеланий кружилось в ее голове!

Шло время. Аглая подросла, а вместе с взрослением внучки, старела бабушка. В один ненастный день она перестала вставать с постели. Для Аглаи наступили самые трудные времена. Ей страшно было оставаться одной, без любимой бабушки. Но, ничего нет вечного под Луной. Эх, если бы она только могла сделать так, чтобы бабушка жила вечно. Но, детские грезы улетучились, и сейчас, когда Аглая стала взрослой девушкой, она отчетливо понимала, что одним взмахом руки не изменить ход времени.

– Пришло время передать тебе внученька свой Дар, – как-то сказала бабушка, лежа на смертном одре. – Оставляю тебе внученька свои знания и силу. Возьми эти сережки с Лазури-том носи не снимая. С этими сережками ты получишь моего «помощника», который впредь будет уже твоим. Вместе с ним ты обретешь мой Дар. Он станет передавать тебе все мои знания и умения, которые я не успела передать при жизни. И помни...

Ненадолго воцарилась тишина, и пожилая женщина застыла. В ее печальных глазах отражалась скорбь и страдание, вызванные воспоминаниями о дочери Марфе – матери Аглаи. О ней бабушка никогда не говорила с внучкой. Единственным ответом на вопросы Аглаи о матери была короткая фраза: «Она умерла». После этого девочка никогда больше не пыталась узнавать подробности.

– Что бабушка, я должна помнить? – встревоженно спросила Аглая, прервав задумавшуюся старушку.

Старушка взглядела в лицо Аглаи, и тень печали омрачила ее взгляд. «Боже, как же она становится похожа на мать», – пронеслось в ее голове, эхом отзвываясь тихой грустью в сердце.

– Помни, Аглая! Никогда не используй свои знания и силу против людей! – строго и наставнически произнесла старушка, и велела принести Библию. Аглая послушно исполнила волю бабушки и принесла Библию.

– Положи правую руку на Библию и поклянись! – пристально глядя в глаза внучки потребовала старушка.

– Клянусь, бабушка не причинять людям зла, а использовать свои знания во благо нашим жителям, – уверенным тоном произнесла Аглая и, убрав Библию на полку, присела рядом с бабушкой. Девушка нежно обхватила холодную руку бабушки своими ладонями и с обожанием заглянула в ее глаза. Непроизвольные слезы заструились по ее лицу.

– Аглая, милая моя, не стоит плакать. Я всегда буду с тобой, – прошептала бабушка почти беззвучно. – Есть еще одно важное наставление.

– Какое же, бабушка? – тихо спросила Аглая, утирая слезы тыльной стороной ладоней.

– На тебе стоит запрет на любовь. Ты не должна влюбляться.

– Бабушка, что такое ты говоришь? Неужели ты обрекаешь меня на вечное одиночество? Лишаешь надежды на тихий семейный очаг? – в голосе Аглаи звучало растерянное отчаяние.

– Семейю можно построить с тем, кого не любишь. Главное, чтобы он любил и защищал тебя. И чтобы тебе он не был противен. Тогда ты будешь счастлива до конца своих дней.

– А что произойдет, если я все-таки полюблю? – заинтересовалась внучка.

– Любовь станет твоей погубелью. И не задавай мне лишних вопросов. Просто поверь!...

– Ты меня пугаешь, бабушка! Как может любовь погубить человека? – недоуменно воскликнула Аглая, но в ответ услышала лишь тишину.

Внезапно, застывшее лицо бабушки озарилось умиротворенной улыбкой. Взгляд, до этого блуждавший в поисках опоры, устремился ввысь, словно к чему-то давно желанному. Она глубоко, с облегчением, вздохнула последний раз, и свет медленно угас в ее очах, оставив лишь тихую пустоту.

Тихий шорох, словно трепет крыльев ночной птицы, привлек её внимание. Звук робко коснулся слуха, словно предвестник чего-то неувидимого. Стук, тихий и настойчивый, раз-

дался у окна. Аглая, словно повинуюсь невидимому зову, вскочила и распахнула створки. Тёплый весенний ветер ворвался в комнату, ласково коснувшись её лица. В его прикосновении ощущалось что-то до боли знакомое – словно прощальное, нежное прикосновение бабушкиных рук.

– Прощай...

Часть 2

Прошел год. После ухода бабушки Аглая постепенно погружалась в таинственный и невидимый мир Духов, часто обращаясь за поддержкой. Она не испытывала страха. Невидимый, словно сотканный из полуночной тени, силуэт огромного кота – ее Дух помощник – преданно служил ей, предвещая каждый визит: шептал о времени прихода, о терзающих прихожан проблемах, о словах утешения и совета, что должны были слететь с ее уст.

Со временем ее глаза, познали множество тайн, а руки, обладающие мастерством в обращении с травами и заклинаниями, были способны как исцелять, так и накладывать проклятия. Однако, силу проклятия, равно как и познания любви, Аглае было запрещено использовать под страхом смерти. Сама она не питала злых умыслов. Народ в деревне, возможно, и побаивался ее, но в целом уважал. У Аглаи никогда не возникало и мысли о том, чтобы причинить кому-либо боль или послушаться сурового наказа бабушки.

Она вела уединенный образ жизни, на парней не заглядывалась, помня наставления бабушки, пока однажды не встретила его – Ивана, который приехал летом в деревню со своими родителями.

Молодой, красивый Иван отличался от всех деревенских парней веселостью характера, умением красиво одеваться, играть на гитаре, и петь песни.

Однажды, на рассвете, когда мир еще купался в жемчужной росе, Аглая отправилась в лес за целебными травами. Легкая дымка тумана окутывала деревья, и тишина звенела в ушах. Вдруг, словно из самой этой тишины, из-за густых кустов возник силуэт.

Аглая вздрогнула. Сердце ее затрепетало испуганной птицей, но она заставила себя дышать ровно. Подняв взгляд, она увидела Ивана: высокого, статного, словно сошедшего со страниц старинной сказки. За плечом его висело охотничье ружье, а в руке покачивались связанные за уши зайцы. В его глазах плескалось искреннее, солнечное добродушие, а на губах играла легкая, приветливая улыбка.

Завидев девушку с плетеной корзиной, доверху наполненной дикими травами и полевыми цветами, Иван, чья душа искрилась беспечностью, легко подскочил к ней, ведомый желанием познакомиться.

– Здравствуй, девица-краса! Что за сокровища собираешь ты на заре, когда мир еще дремлет в объятиях тумана? – спросил Иван, лукаво прищурился, словно солнечный зайчик заиграл в его ресницах.

В груди Аглаи от неожиданности вспыхнул трепетный огонек, но она, не теряя достоинства, ответила:

– Собираю травы целебные, росой утренней напоенные. В них сила живая, да исцеление.

Иван с неподдельным интересом заглянул в корзину Аглаи, словно пытаясь разгадать тайну, сокрытую в душистых травах.

– Здорово! И я природу уважаю. Сам охотник, да только беру у леса ровно столько, сколько нужно, чтобы семья не голодала. А ты, случаем, не знаешь, какие травы от каких хворей спасают?

Аглая, чувствуя, как робкое стеснение отступает, заговорила об исцеляющей силе трав, о каждой травинке, собранной с любовью и знанием дела. Иван слушал, замороженный, словно

внимал колдовской сказке, перебивая лишь редкими вопросами да меткими замечаниями, обнаруживая свою собственную глубокую связь с лесом и его тайнами.

Незаметно для них рассвет расцвел в солнечное утро, сотканное из шепота листвы и щебета птиц, а их разговор все лился, словно лесной ручей, не знаящий усталости.

Между разговорами молодой парень украдкой оглядывал ее пышную, но горделивую фигуру, черные, словно вороново крыло, волосы, тугой косой ниспадающие на плечо. Невольно залюбовался.

– А я вот с охоты возвращаюсь, – сказал он, кивнув взглядом на пару зайцев. – Если желаешь, могу поделиться. Или, если будет угодно, в следующий раз свежей дичью побалую.

Иван лукаво улыбнулся, но Аглая в ответ лишь нахмурилась.

– Не по нраву мне охота. Жаль зверье. Лучше бы лес берег, чем жизни отнимать.

В глазах Ивана вспыхнуло удивление.

– Ты видать, нездешняя? У нас в деревне охота – как хлеб насущный. Как иначе семью прокормишь?

– Прокормить можно и умом, – возразила Аглая, и в словах ее прозвучала странная убежденность. Уголки губ тронула загадочная улыбка, от которой Ивану стало не по себе.

Развернувшись, она легко ступила под сень деревьев, словно лес был ее родным домом, оставив Ивана одного на опушке, терзаемого смутными догадками.

«Что за диковина? И почему от одного ее взгляда мороз по коже?» – недоумевал он, провожая взглядом ускользающую фигуру.

Девушка, сорвав последнюю былинку и бережно уложив ее в корзину, отряхнула цветастый передник и пристально устремила взгляд на Ивана, словно пронзив его насквозь.

– Я здешняя, Иван. Коренная. Живу в этой деревне с самого рождения.

– Откуда ты знаешь мое имя? – изумился парень. – Ах, вот оно что... Так ты, видать, та самая колдунья, о которой шепчутся за спиной. Тебя Аглаей кличут, верно?

– Может, та самая, а может, и нет, – с лукавой улыбкой промолвила девушка, словно играя словами.

– Бррр... С детства мороз по коже от одного слова «колдун». Не верю я в колдовство. Хотя, был один дед-знахарь, помню, жизнь мне спас. Видать, не всякая ворожба – зло. А ты, скажи на милость, какая колдунья – светлая или темная? – не унимался Иван, словно зачарованный.

– А как сердце подсказывает? – Аглая бросила на него взгляд, полный колдовских чар.

– Нуууу, – протянул Иван, задумчиво почесывая подбородок. – При такой красоте... злодейкой быть просто непозволительно.

– Ну, вот так и думай дальше, – тихо засмеявшись ответила девушка.

Подхватив лукошко, полное душистых трав, она, словно юная лань, легко и гордо зашагала в сторону деревни. Иван, замороженный, шел следом, любуясь ее станом – величавым и плавным, словно лебедь, скользкий по зеркальной глади озера.

«Хороша, девка, да не для моей души», – кольнуло Ивана, словно льдинкой в самое сердце. – «Только колдуньи в моей жизни и не хватало, чтоб совсем кукушка съехала».

– Что ж так? Почему это не для твоей души? – голос Аглаи прозвучал неожиданно, словно гром среди ясного неба.

Иван замер, пораженный до глубины души.

– Ты что... и мысли мои читаешь?

– Не я читаю, – тихо ответила она. – Мне их передают.

– Кто передает-то? – недоуменно пробормотал Иван, пытаясь осознать происходящее.

– Мой кот, – Аглая продолжала улыбаться, и в ее глазах плясали лукавые огоньки.

– Какой кот? – Иван растерянно огляделся, выискивая хоть намек на животное, но вокруг не было ни единой пушинки.

«И чудная же она, эта девица», – вновь неосторожно подумал он, и тут же осекся, вспомнив о ее даре. Но Аглая хранила молчание, лишь уголки губ ее чуть заметно дрогнули.

– Не стоит искать его глазами. Мой кот показывается не каждому. Но он видит то, что скрыто от других, и всегда предупреждает меня.

Ее бархатный голосок, словно тихий ручей, журчал в ее словах. Иван почувствовал легкий озноб, несмотря на летнее солнце. В ее словах звучала какая-то древняя, непонятная сила. Страх и любопытство переплелись в его душе, заставляя идти за ней в деревню, словно зачарованный.

«Что таится за её загадочной улыбкой и незримым котом-помощником? Какую тайну она бережно хранит?» – роились в голове спутанные, настойчивые мысли.

– Не стоит тебе ведать того, что скрыто от простых смертных, – прозвенел серебристый смех Аглаи, и она, словно юркая лань, понеслась по извилистой тропинке, оставив Ивана в недоумении.

– Аглая, погоди! Куда же ты так спешишь? Позволь мне проводить тебя! – крикнул он вслед ускользающей деве.

Аглая, лукаво прищурившись, обернулась лишь на мгновение и, не дожидаясь ответа, вихрем умчалась прочь.

«И все же странная эта Аглая», – пробормотал Иван, усмехнувшись своим мыслям.

Она знала Ивана всего пару часов, но что-то неуловимое в его взгляде заставляло сердце ее предательски замирать. Робкая улыбка, словно украденная у смущенного юноши, неумелые, но искренние комплименты – все это дышало такой свежестью, такой наивной чистотой, неведомой доселе Аглае.

Ворвавшись домой, Аглая, наполненная радостью, без сил рухнула на кровать. Счастливая, она смотрела в потолок, чувствуя, как в ее сердце, прежде одиноком, теперь поселился Иван. Казалось, она знала его целую вечность. Что-то до боли родное, щемяще близкое было в нем, отчего сердце замирало в сладостном предчувствии. Она кожей ощущала его взгляд, полный нежности и надежды, и знала – она тоже небезразлична ему.

Но была и тревога. В последнее время Аглае снились странные сны. Темные леса, шепот на ухо, чьи-то холодные руки, тянущиеся к ней из темноты. Сны становились все ярче, все реальнее. И в каждом из них она видела смутный силуэт, отдаленно напоминавший Ивана, но с пугающим, чужим выражением лица.

Она отгоняла эти мысли. «Глупости, – шептала она себе. – Просто нервы». Но что-то внутри подсказывало, что Иван – не тот, кем кажется. Что за его робкой улыбкой скрывается тайна, которая может разрушить ее счастье. И Аглая знала, что ей придется узнать правду, какой бы горькой она ни была.

Часть 3.

Когда мечты разбиваются о реальность

Две недели пролетели, словно осенние листья. С той мимолетной встречи Аглаи с Иваном в утреннем лесу. Он ни разу не появился на пороге ее дома.

Вечерами он утопал во внимании деревенских девиц, словно и не было в его памяти той встречи с Аглаей, с ее лучистыми глазами и тихой красотой, что однажды пленила его в лесном утреннем тумане.

Вихрь деревенской жизни, словно пестрый хоровод, закружил его в карусели лукавых улыбок деревенских девчат, звонкого смеха и задушевных песен у костра, где искры взлетали к звездам, унося с собой все печали.

Его взгляд, скользнув по толпящимся молодым девчатам, изредко задерживался на Аглае, когда та специально вечерами, принарядившись, словно тень, проплывала мимо, наде-

ясь на внимание Ивана. При виде Аглаи он взмахом руки подзывал ее присоединиться к хоро-воду подружек, весело смеясь. Но, в миг забыв о ней, он переводил взгляд на веселых деревенских хохотушек, которые требовали внимания и просили что-нибудь сыграть на гитаре и спеть.

А она наивно грезилась о том, как он, пораженный ее появлением, подхватится, отбросив всех своих юных поклонниц, и бросится за ней, увлеченный ее красотой.

Но сердце Ивана оставалось глухо к девичьей красе. Он, конечно, не мог не признать ее прелести, но она отзывалась в нем лишь холодным, отстраненным восхищением, как при взгляде на древнюю красивую икону – подобно взгляду, исполненному почтения, но лишенный тепла и живого чувства.

Его сердце тянулось к простым, земным девушкам, чьи речи были лишены вычурности, и в ком не было и намека на колдовство, которым, как ему казалось, дышала Аглая.

Аглая в тайне наблюдая издали за Иваном, задыхалась, когда слышала его смех, адресованный другой. Каждое мимолетное прикосновение отзывались в ней мучительной болью пронзающей душу.

Она уже не в силах была совладать со своим мучительным чувством, и готова была отказаться от бабушкиного дара, пожертвовать могуществом ради призрачной возможности быть рядом с ним, но ледяной обруч страха сковывал сердце. «Нельзя любить», – шептал в голове предостерегающий голос бабушки, звучащий как заклинание, одновременно оберегающее и проклинаящее.

Иван оживал в её снах, сотканных из солнечного света и аромата луговых трав. Там они, рука об руку, неслись по ковру цветущего разнотравья, а он, подхватив её на руки, кружил в вихре безудержного смеха, эхом разносившегося по бескрайнему полю.

Реальность же являла себя в скромных встречах на пыльной проселочной дороге, когда Аглая спешила к реке с ворохом белья или шла из леса с ягодами и травами для лечебного снадобья.

Иван приветствовал её лёгкой, дружеской улыбкой, словно старую знакомую, не более. Мог подолгу разговаривать приветливо и ласково, заглядывая в ее синие глаза. Он вел себя легко и непринужденно, подобно тому, как он общался и с другими девушками. И от этой нарочитой приветливости в её сердце начинали скрестить острые когти тоски.

Однажды вечером, когда сумерки уже крадучись растекались по улицам деревни, к Аглае вихрем ворвался Иван.

Сердце ее встрепенулось, а щеки вспыхнули нежным румянцем зари.

Аглая, в тайных мечтах своих, уже видела Ивана, склонившего голову в пылом признании. Она представила, как его равнодушие, которым он так долго терзал ее душу, обернулось потоком страстных слов. Но хрупкий замок ее грез, сотканный из девичьих надежд, вмиг рассыпался в прах, когда Иван, как и все остальные жители деревни, обратился к ней с обычной просьбой о помощи.

– Помогите, Аглаюшка, матери моей совсем худо. С самого утра голову ломит, – взволнованно проговорил Иван, и синие глаза его, полные мольбы, словно два сапфира, пронзили Аглаю, вырвав из зыбкого плена грёз.

– Что? – очнувшись от своих наивных мечтаний, Аглая бросила на Ивана затуманенный взгляд.

– Матери моей плохо! Ты сможешь помочь?

– А что с ней? – рассеянно отозвалась Аглая, еще не совсем вернувшаяся в реальность.

– Да говорю ж тебе, голову ломит. Может вчера на солнце перегрелась? В район сейчас – далеко трястись. Мне баба Марийка к тебе посоветовала обратиться, – тараторил Иван.

Аглая, будто вспорхнув, метнулась на кухню. Там, словно алхимик, принялась собирать свои снадобья: пузырьки с настойками, пучки целебных трав, – всё, что могло унять изматывающую боль.

Собрав свой врачебный арсенал, она быстрым шагом двинулась следом за Иваном, к самой дальней околице, где находился его дом.

Призрак Марфы

Во дворе взгляд Аглаи наткнулся на дядю Федора – отца Ивана, Тот в это время рубил дрова. Замахнувшись для очередного удара по паленице, пожилой мужчина при виде Аглаи, которую ранее не видел, испуганно отпрянул. Рука, державшая топор, ослабла, и топорище с глухим стуком упало на землю.

– Здравствуйтесь, – поздоровалась Аглая и, устремив взор в его испуганные глаза, тихо спросила:

– Что с вами? Вам тоже нехорошо?

Отец отмахнулся рукой от нее, словно от назойливой мухи или приведения.

– Да нет – нет... Все в порядке. Иди в дом, – пробормотал он, провожая ее широко раскрытыми, испуганными глазами.

«Странный какой...» – кольнула мысль, но тут же Аглая затерялась в водовороте собственных тревог, едва она переступила порог просторного дома.

Тусклый свет керосиновой лампы, дрожавшей на столе в отдалении, выхватывал из мрака измученное лицо женщины. У кровати, где покоилась мать Ивана, неустанно хлопотала бабка Марийка, прикладывая к горячему лбу холодный компресс, словно пытаясь укротить бушующий внутри огонь.

Прохладные пальцы девушки осторожно коснулись руки женщины, скользнув к запястью. Пульс бился часто, тревожно трепеща под кожей. Аглая мягко расспросила мать Ивана о боли, и сразу стало ясно: мигрень. Та самая, от которой свет ранит глаза, а виски сдавливает невидимыми тисками, грозя расколоть голову на части.

– Сейчас станет легче, – прошептала Аглая, тихим голосом пытаясь усмирить бушующую бурю в голове больной.

Заварив пригоршню листьев пиретрума, валерианы, пустырника и мяты перечной, и добавив несколько капель экстракта коры ивы из старинного пузырька, Аглая прочла нараспев короткую молитву, затем еще что-то зашептала, словно заклинание, и, поднеся чашку к иссохшим губам женщины, с надеждой взглянула ей в глаза.

– Пейте до дна. Только этим настоем моя бабушка и спасалась от головной боли.

Женщина послушно отпила глоток. Лицо ее исказила гримаса, словно от прикосновения к чему-то нестерпимо горькому.

– Ох, какая горечь! Но я готова выпить хоть яд, лишь бы избавиться от этой проклятушей боли, что сверлит виски.

Аглая приложила ладонь к пылающему лбу женщины и долго, словно заклинание, шептала что-то над ней. Не прошло и часа, как мгла отступила от матери Ивана. Слабая улыбка тронула ее губы, и на щеках пробился робкий румянец.

Просидев еще час и убедившись, что болезнь отступает, Аглая засобиравалась. Оставив пучок целебных трав, она наказала заваривать настой и пить его еще как минимум два дня.

– Спасибо, Аглаюшка, ты меня с того света вытащила, – весело запречитала мать Ивана, пытаясь встать с постели.

– Нет-нет! Лежите, вам еще нужен покой, – заботливо укладывая женщину на две пуховых подушки обмолвилась Аглая.

– Мне пора, а то уже ночь на дворе, – поспешила Аглая к порогу.

– Ванюша, что стоишь как вкопанный, поди проводи девушку до дому, – обратилась мать к сыну.

Бабка Марийка вышла вместе с Иваном проводить Аглаю до калитки. На скрипучем крыльце, словно старый ворон, примостился Федор.

– Ну, как там моя голубка? Полегчало ей? – встрепенулся он, вскакивая с места, и, услышав успокаивающий ответ, выдохнул с облегчением, словно гора с плеч свалилась.

– Ну, слава Богу, спасибо Аглаюшке, а то мучилась бы Светланка твоя еще всю ночь, да не приведи Господь, кровь бы в голову ударила. – прошамкала беззубым ртом бабка Марийка, перекрестившись. – Ну, что ж, и я пойду до дому. А ты, Иван, проводи Аглаю до самого порога, чтоб добралась в целости, – напутствовала она, зябко кутаясь в свой потертый платок.

– Стой, старая! – отец Ивана, Федор, резко одернул бабку Марийку, когда та уже занесла ногу, собираясь переступить порог калитки.

– Ну, что еще стряслось? – старушка удивленно вскинула брови, оглядывая Федора.

– Марийка, чую, разум меня покидает, – прошептал мужчина заговорчески.

– Да что ты такое мелешь, Федор? Вроде с виду крепок, в уме не тронулся. Чего на себя напраслину возводишь? – изумилась бабка Марийка, всматриваясь в лицо мужчины.

– Не перебивай. Та девица, что сейчас Иван пошел провожать... Ее точно Аглаей звать? – прошептал Федор, словно выдавал государственную тайну.

Баба Марийка хитро прищурилась, в глазах заплясали лукавые огоньки:

– Уж не привиделось ли тебе чего, Федор? Аль выпил чего, что хмель еще бродит в голове? А кто же тогда, по-твоему, приходил к Светланке твоей?

– Да не пил я ничего сегодня! – в голосе Федора клокотало возмущение. – Она же – вылитая Марфа, та самая, что раньше в деревне жила. Как две капли воды! Ну, ты должна помнить... Колдунья, что мою Анфисушку сгубила, любовь мою первую, свет очей моих! Век ей не прошу! А ты говоришь – почудилось! Да она ни грамма не изменилась, такая же молодая... Только глаза... у той черные были, как два бездонных агата, а у этой – синие, как омуты озерные.

– Нет ее уже на этом свете, Федор. В земле сырой давно лежит. Шестнадцатый годок пошел, как упокоилась. Померещилось тебе, – Марийка смотрела на него строго, словно мать на провинившегося сына.

– Вот и я говорю, чудится видать. Как с родимых краев уехал, так Марфа эта каждую ночь ко мне приходит. Зовет с собой, шепчет ласково. Живая будто. Улыбается, рукой манит, а за ней – лес дремучий, болота топкие и над головой сияние радужное разливается, словно в сказку зовет.

– Ох, Федор! Не пугай ты меня так, а то всю ночь глаз не сомкну. Побегу я домой, а ты к Светланке ступай, чего это ее одну оставили, болезную. Да завари ей чаю свежего на травах от Аглаи, – затараторила Марийка, а взгляд мечется, словно мышь в западне.

Федор сразу смекнул: бабка Марийка что-то недоговаривает, шило в мешке таит.

– погоди, чего это ты так заторопилась? – схватив за рукав кофты Марийку, остановил её. – Ну-ка, выкладывай, что знаешь. Вижу я по твоим бегающим глазкам – не все ты мне досказываешь.

– Да, вот те крест, – перекрестившись промолвила Марийка. – Нет никаких секретов от тебя, – и одернула руку Федора от себя.

А Федор, словно каменная стена, преградил ей путь.

– Не сдвинусь с места, пока не выложишь все как на духу, – пророкотал он, нахмурив брови.

Бабке Марийке бежать было некуда, пришлось заговорить:

– Да, дочка это Марфы. Не померещилось тебе. Точь-в-точь мать свою Марфу напоминает. Одна-одинешенька живет. Бабушку год назад схоронила. А та ей всю свою силу передала. Теперь Аглая – целительница на всю деревню, от любой хвори помощь окажет. Добрая она,

не в мать пошла. Поклялась бабушке свет людям нести. Так что не бойся, зла она никому не причинит.

– Ага... Видел я, как она на моего сына глазами влюбленными смотрит. – Ладно, иди, Марийка, а то я и впрямь измучил совсем своими подозрениями.

Федор, успокоенный тем, что не сошел с ума, поспешил к своей жене.

А бабка Марийка, еще раз перекрестившись, поблагодарила Господа, что удержал он ее длинный язык от другой, куда более страшной тайны.

Едва эта мысль промелькнула в ее голове, как, словно из чернильной пустоты, на покосившийся забор бесшумно взгромоздился огромный черный кот. Он выгнул спину дугой, и его мяуканье, громкое и протяжное, разорвало тишину, обнажив зловещий оскал белых клыков.

Мороз пробежал по коже старушки ледяными иглами, и она, бормоча дрожащими губами «Отче наш», заспешила прочь, сименя и шаркая тяжело ногами, к спасительному порогу своего дома.

Часть 4.

Ночь на проселочной дороге: между любовью и тьмой

По темной проселочной дороге шли Иван и Аглая. Вокруг стрекотали сверчки, спрятавшись в зеленую июльскую траву, а вдали заливался соловей, будто бы пел песню для влюбленных. Тихий теплый ветерок, заблудившийся в волосах Аглаи, раскачивал ее волнистые волосы. Иван шел рядом, чуть касаясь плеча Аглаи. И не было счастливее в этот момент для девушки минуты, как идти рядом с любимым.

Внезапно, соловьиная трель оборвалась на полуслове, а стрекот сверчков стих, словно по команде. Аглая вздрогнула и невольно прижалась ближе к Ивану. Тот обнял ее за плечи, пытаясь скрыть собственную тревогу. Что-то изменилось в воздухе, стало тяжелым и гнетущим.

Из темноты, словно из самой земли, поднялся туман, густой и непроницаемый. Он полз по дороге, застилая все вокруг, пожирая звезды на небе. Иван схватил руку Аглаи и крепче сжал её.

Они ускорили шаг, надеясь вырваться из этого зловещего марева.

Но туман преследовал их, настигая с каждой секундой. Аглая почувствовала холод, пробирающий до костей, и шепнула: «Мне страшно...»

– Не бойся, я рядом, – ласково промолвил Иван и крепко обнял Аглаю за плечи.

В тот миг ледяное дыхание коснулось ее уха, а из клубящейся пелены тумана возникли чьи-то бесплотные руки, обвивая их с Иваном. Аглая расслышала шероховатый шепот, скользящий в самое сознание: «Обними его. Поцелуй. Околдуй своей любовью...» Дрожь пронзила Аглаю, и она еще отчаяннее прильнула к Ивану, ища в его тепле спасение от невидимого кошмара.

Иван был слеп и глух к тому, что открывалось Аглае, но внезапно ощутил властное, неодолимое влечение, исходящее от неё. Туман, клубящийся вокруг, перестал казаться лишь природной прихотью. Дерзкая мысль пронзила его сознание: а что, если этот мглистый покров – колдовство Аглаи, призванное укрыть их в объятиях страсти?

На краткий миг и ее тело предательски откликнулось на близость. В объятиях Ивана, таких крепких и властных, она уже почти готова была сдаться неумолимой волне желания, захлестнувшей ее.

Она закрыла глаза. Тело обмякло. Соппротивление таяло, как снег под весенним солнцем. Иван, уловив трепет Аглаи, что пробежал по всему ее телу, осыпал поцелуями нежную кожу ее шеи.

И когда мрак почти поглотил ее, словно луч надежды, явился словно сотканный из самой тьмы, из клубящегося тумана он – черный кот, ее преданный страж.

Глаза его горели, как два уголька в непроглядной ночи. Словно тень из ночи, он возник, готовый вступить в неравный бой со злобными духами, что окружили его хозяйку, и вырвать из когтей неминуемой гибели.

Преграждая путь к Аглае от неведомого существа, он издал жуткий, утробный вой, от которого кровь стыла в жилах. С шипением разъяренного зверя он бросился на туманную зыбь, что обвивала Аглаю и Ивана, на это призрачное подобие зверя из иного мира.

Началась яростная схватка. Аглая слышала истошное рычание кота, смешанное с утробным воем неведомых тварей. Кто одержит верх в этой битве, зависело только от нее.

Отвергнет любовь – сохранит светлый дар ведуньи. Предаст клятву, данную бабушке, – и тьма навсегда сомкнет когти вокруг ее души, поглотив и свет, и надежду, и одолеет верного заступника. А в это время, кот, словно огненный смерч, самоотверженно бросался на злобных духов, в каждом прыжке выплескивая ярость и отвагу, пытаясь отстоять свою хозяйку от опрометчивого поступка.

Вдали, словно видение, возникла Аглае бабушка. Облаченная в белоснежные, невесомые одежды, она казалась сотканной из самого света, и ткани, которая трепетно плясала в объятиях ветра. Аглая ощутила укоризненный взгляд родных глаз, и в тот же миг, словно по мановению невидимого дирижера, туман, доселе плотный и густой, обратился в паническое бегство, рассеиваясь с той же призрачной стремительностью, с какой и явился.

Впереди, словно робкий луч надежды, замерцал диск полной луны, пробиваясь сквозь последние клочья призрачной пелены и серебря лицо Аглаи неземным светом.

Аглая, погруженная в сладкую негу от ласковых поцелуев Ивана, внезапно почувствовала как он начинает лизать ее шею, щеки. Она ощутила шершавый, колючий язык, а вместо ласковых слов – утробное мурлыканье волной разлилось по её телу. «Иван, что ты делаешь? Не нужно меня лизать...» – пробормотала она, недовольно приоткрывая глаза.

И внезапно увидела: на груди, блаженно мурлыча, развалился огромный черный кот, самозабвенно вылизывающий ее щеки.

«Где же Иван? – с немим ужасом пронеслось в голове у Аглаи. – Неужто злые силы привратили его в кота?»

Ледяной ужас пронзил Аглаю, сковав ее тело. Собрав волю в дрожащий кулак, она с яростью отшвырнула кота. Тот, словно мешок с песком, кубарем полетел вниз, и глухой удар эхом отозвался в тишине.

Сметанка для домашнего

Сквозь плотно сомкнутые ставни робко пробивался солнечный луч, трепетно играя на щеке Аглаи. А на полу с широко раскрытыми от негодования глазами сидел обиженный кот, которого Аглая, находясь во сне яростно скинула с постели. Аглая, словно выныривая из кошмара, медленно приоткрыла глаза.

Заметив, что хозяйка очнулась он издал истошный вопль, полный обиды и неожиданности.

– Ты чего толкаешься!? Так и убить можно!...

– Ой, прости котик, опять эти кошмары замучили. Приснится же такое... – сонно пробормотала она.

– Кис-кис-кис, иди ко мне, мой сладенький, – ласково позвала она кота.

– А ты больше не будешь меня сбрасывать с постели? Так ведь и заикой стать можно от твоих воплей, – промурлыкал в ответ с недоверием кот, на своём кошачьем языке, который Аглая понимала без труда.

Она бережно подхватила кота, призрачного любимца, зримого лишь ей одной, и нежно провела рукой по его шелковистой шерсти. В ответ раздалось хрустальное мурлыканье, словно перезвон колокольчиков.

Этот незримый домовой, унаследованный от бабушки, был тихой пристанью в океане ее одиночества. Ночами же, обвивая ее незримиными, но ощутимо теплыми лапами, он убаюкивал ее напевными колыбельными, сотканными из лунного света и шепота звезд. Так, в объятиях друг друга, они ныряли в бездонный колодец безмятежных сновидений.

– Пошли, я тебе молока в миску налью. Не дуйся, – весело прошептала Аглая, заглядывая коту в глаза.

– Сама пей свое молоко, после такого-то стресса! Я сметанки хочу, – капризно мяукнул кот, недовольно дергая хвостом.

– Ну хорошо, вот тебе сметанка, маленький вредина, – проворковала Аглая, ставя чашку на пол.

Под довольное чавканье кота она погрузилась в воспоминания о вчерашнем вечере.

Они шли по проселочной дороге, растворившейся в чернильной ночи. Аглая, оступившись о предательскую кочку, вскрикнула, и Иван, встревоженный, мгновенно подхватил ее руку. Их ладони сплелись, словно два испуганных крыла, и, боясь, что темнота таит в себе коварство на каждом шагу, он держал ее за руку и они медленно продвигались вдоль ночной тиши. Лишь словно россыпь серебряных колокольчиков, звенели в далике девичьи песни, переплетаясь с задорным смехом парней и девчат.

По мере приближения сквозь сумрак вырисовывались силуэты деревенской молодежи, устроившейся на покосившейся скамейке. Их голоса, полные юношеского задора, то и дело взрывались хохотом.

Заметив Ивана, девушки дружно поманили его к себе, словно приглашая окунуться в эту теплую, дружескую атмосферу.

Стояла волшебная июльская ночь, сотканная из лунного света и соловьиных трелей. Соловей надрывался, словно желая вместить в свое пение всю красоту мгновения. Полная луна, как заботливая мать, нежно озаряла лица девушек.

– Пойдем, посидим, повеселимся! Что дома-то делать в такую ночь? Вон, какая луна над головой! – воскликнул Иван, искорками задора сверкая в глазах, готовый сорваться с места и умчаться в оазис девичьего смеха.

Аглая, однако, покачала головой, отказываясь от его предложения. До родного дома оставалось всего несколько шагов.

– Ну, что ж, тебе тут рукой подать, – бросил Иван, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и, не дожидаясь ответа, стремглав побежал к веселой компании, словно к манящему костру.

«Что со мной не так?» – Шептала Аглая в ночной тиши, и слезы, словно сок обжигающей крапивы, катились по щекам. «Что мне сделать, как зажечь в его сердце тот же пламень, что неугасимо пылает во мне?»

– Забудь, – промурлыкал протяжно кот, прервав ускользящие воспоминания Аглаи, и сладко прикрыл глаза, облизывая перепачканные сметаной щеки. – Не суждено. И не надейся, – промурлыкал кот, облизывая усы. – А я тебе еще раз мяукну, что это не твоего поля ягодка. Другой тебе путь судьбой уготован, дабы не бывать мне ни котом-прорицателем, ни поводырем твоим. Я слов на ветер не бросаю, каждое – словно мое – зерно истины. А за сметанку – отдельное мяу! Сладка, словно утренний сон.

– Вы поглядите на него – Кот-предсказатель выискался, судьбу он мне тут вещать будет! – фыркнула она, отворачиваясь с деланным презрением. – Брысь с глаз моих! – отрезала Аглая, сверкнув глазами. – И чтоб духу твоего больше не слышала! А то мигом в сарай, мышей ловить, умник доморощенный.

«Нашла чем напугать, – мысленно усмехнулся кот, ощущая легкую вибрацию мурлыканья в груди. – Для меня твои стены – что паутина». Грациозно вытянувшись всем телом, и

потянув задние лапы, он неспешно направился в сад, повиливая кончиком хвоста. «Уж лучше я с бабочками флиртовать буду, чем твою скуку слушать».

Часть 5.

Гусь с яблоками и разбитые надежды

Близился полдень. Июльское солнце ласково обливало мир золотым светом. Аглая, укрывшись в прохладной тени двора, за столом, колдовала над травами, перебирая их и связывая в пучки. Закончив, она ступила в дом, и, наполнив чашку душистым травяным чаем, присела у окна. В мыслях ее витал лишь один образ – Ивана.

Вдруг, тихий стук робко коснулся двери. Аглая, бросив взгляд в окно, и узнав знакомый силуэт, встрепенулась, словно птица, и с радостной улыбкой на лице поспешила открывать дверь.

– Здравствуй, Аглаюшка! Был вчера на гусиной охоте, и вот, решил принести тебе скромный дар в благодарность за исцеление моей матушки.

Сердце Аглаи болезненно сжалось при мысли об убиенной птице, но, преодолев неприязнь, она приняла подношение Ивана и пригласила его разделить с ней вечернюю трапезу.

– Приходи сегодня к вечеру, когда солнце начнет ласкать землю прощальными лучами. Я гуся с яблоками запеку, румяного да душистого. Придешь? – в голосе ее звучала хрупкая трепетная надежда.

– Да че ж не прийти? Обязательно буду! Гусь с яблоками... да это ж мое любимое блюдо! – воскликнул Иван, и радость расцвела на его лице яркой улыбкой. Словно окрыленный предвкушением дивного ужина, он поспешил по своим делам, унося с собой предвкушение на гастрономическое наслаждение.

Счастливая Аглая не могла сдержать своей радости. Не теряя времени, она приступила ощиповать гуся, затем опалила его от мелких перьев и быстро разделала. Натерев тушку различными ароматными травами и перцем, она положила внутрь нарезанные пополам яблоки, чтобы тушка впитало их ароматы.

День медленно тянулся, порой казалось, что время остановилось. Аглая уже нарядилась в самое красивое платье, распустила свои роскошные локоны и накрыла стол холщевой скатертью с вышивкой ришелье по краям. Ее бабушка была мастером вышивки. В центре стола разместился запеченный гусь, вокруг которого красовались румяные яблоки. Она также расставила разнообразные соленья, фрукты и не забыла о смородиновой наливочке. Сев у окна, она с нетерпением выглядывала в окно, ожидая Ивана.

Солнце клонилось к закату. И вот озаренный вечерними лучами солнца она увидела Ивана, который гордо вышагивал по дороге с букетом полевых ромашек в руках.

Счастливая улыбка расплылась на лице девушки, она кинулась к зеркалу, чтобы еще раз взглянуть на свое отражение, и поправить волосы и вновь подбежала к окну.

Но вдруг, взглянув в окно, она как громом пораженная, застыла.

У колодца, доставая ведро с водой стояла Любашка, их соседка, живущая по соседству под надзором строгих родителей.

Увидев Любашку, Иван замер в изумлении. И, предательски изменив курс, он уже направлялся к ней.

Как же он раньше не замечал её в своей деревне? Почему этот луговой цветок не являлся на вечерние посиделки у костра, где они, парни да девчата, так весело коротали время? Кто же прятал от него это дивное создание?

Размеренной походкой, Иван шел навстречу к ней, словно зачарованный. Не отрываясь, следил за тем, как она легко извлекает полные ведра из колодца, и, умело подвесив их на коромысло, одним грациозным движением взваливает ношу на плечи.

Вода в ведре играла вечерними солнечными бликами, отражаясь на румяных щеках девушки. Грациозная и гибкая, словно молодая лань, с косой цвета пшеницы, ниспадающей

до талии, и глазами, напоминающими лазурь весеннего неба, Любаша заполнила собой всё его существование.

Иван, обычно смелый и разговорчивый, вдруг растерялся и не мог вымолвить ни слова. Затем, очнувшись и набравшись смелости, заговорил с ней.

Завязавшийся разговор между Иваном и Любашей породил ощущение, будто они знакомы целую вечность. Взгляд, лишь один взгляд, и в Иване вспыхнуло чувство, доселе неизвестное, над которым он прежде посмеивался. Сама Любовь – Любаша, вихрем ворвалась в его сердце.

А в это время, сквозь оконное стекло Аглая смотрела как Иван и Любашка, увлеченно беседуют. В груди ее вспыхнул укол ревности, сердце затрепетало, словно раненная птица.

Она прижалась лбом к оконному стеклу и ждала, что вот-вот Иван посмотрит на ее окна и вспомнит о приглашении, и направиться к ее дому. Но, Иван, переполненный внезапно нахлынувшими на него чувствами, совершенно забыл о приглашении.

Аглая видела как он снял каромысло с плеч девушки и вогрузил его на свои плечи, а букет с ромашками, которые предназначались Аглае, вручил Любашке.

Такого поступка от Ивана Аглая не ожидала. Будто бы острые льдинки вонзились в ее сердце. Она хотела было выбежать и позвать Ивана, но гордость остановила ее. «Что делать?» – раздумывала Аглая.

Горькие слезы побежали по щекам. «Как он мог так поступить со мной?» – превозмогая горечь разочарования сетовала слезно Аглая.

Вдруг из словно из небытия появился Кот и словно смакуя каждое слово, промурлыкал: – А я те-бя пре-ду-пре-жда-ал. – Не судьба он тебе. Чувствую нутром. Помяни мое слово, погубит!

– Вечно ты со своими пророчествами, – отмахнулась Аглая, в голосе слышалась досада. – Хватит каркать. Разберусь сама, кто мне погибель, а кто – спасение, – огрызнулась она, и из глаз плеснулась горечь слез.

– Вечно тебя днем с огнем не сыщешь, когда ты до смерти нужен! Где тебя черти носят? – сердито сквозь слезы спросила Аглая Кота.

– А у меня, может, тоже сердце не камень, и личная жизнь, как у людей, быть изволит! – огрызнулся Кот.

– Вот-вот! У всех, значит, есть право на личную жизнь, а у меня значит, нет такого права?! – Аглая кипела от гнева. – Зачем мне такой помощник, от которого помощи – как от козла молока, неделями где-то пропадает, словно в бермудском треугольнике, а потом только ворчит и нравоучения начитывает! – Аглая никак не могла унять обиду.

– Как так никакой помощи? – вымолвил Кот, широко распахнув глаза, в которых плескалось удивление, смешанное с обидой. – А кто тебя прошлой ночью от злых духов спасал? Неужели забыла?

Аглая в недоумении прищурилась, разглядывая Кота.

– Так это был не сон? – в ужасе вымолвила она.

– А ты что, думала? Я едва жизнью не поплатился, сражаясь с нечистью за твое спасение. А в ответ – ни капли благодарности, одни упреки, – с напыщенной важностью промяукал Кот.

– А как же Иван? Он что тоже все помнит, раз это был не сон, – в страхе произнесла Аглая.

– Не забивай себе голову ерундой. Он ничего не помнит. Я вычистил его память о той ночи до блеска. Так что живи спокойно.

Но знай одно, ослушаешься наказа бабушки – уйду от тебя навсегда, и больше не увидишь меня. Некому будет заслонить тебя от злобных духов, некому будет шептать тебе тайны звезд. Помни это. С этими словами он выпустил длинный, угрожающий коготь из своей лапы и погрозил Аглае, словно высекая слова в самом воздухе.

– Ах ты, котяра усатый, и молчал! А я-то голову ломала, думала, кошмары меня грызут. И бабушка-то как смотрела... словно я в чем-то жутком провинилась, до костей пробирало, – проговорила Аглая, тревожно погружаясь в воспоминания о сне.

Она что-то еще причитала и на что-то жаловалась, но Кот, казалось, уже не слышал ее слов. Все его внимание поглотил аромат сочного, румяного гуся, восседавшего в центре стола, словно король пиршества.

Кот, исполненный грации, словно тень, взмыл на стул, примостившись возле стола. Золотистые глаза хитро прищурились в предвкушении гуся. «Да, денек выдался что надо. Долго ли еще этот Иван будет трепать нервы моей хозяйке? Так и помереть с голоду недолго. Хозяйка вон какая разъяренная, как бы по ушам не получить да без гуся не остаться», – лукаво размышлял усатый пройдоха. – Ох, что-то мне плохо стало. В животе забурчало, – притворно произнес Кот. – Хоть кусочком бы угостила, – набравшись смелости обратился жалостливо он к Аглае.

– Да ешь хоть всё, – равнодушно ответила Аглая. – Что добру пропадать?

Кот, с тихой грацией выпустив острый коготок, словно ювелир поддел край чашки с гусем и медленно приблизил ее к себе. Небрежным движением лапы, он раскидал в стороны румяные яблоки, которые теснились вокруг гуся. Глаза его, алчные и блестящие, оглядывали гуся, жадно сглотнул хищную слюну, в предвкушении пиршества, его взгляд выискивал самый лакомый кусочек сочного гуся.

Не медля ни секунды, он, разинув пасть до предела, вонзил клыки в гусиную ногу, и, вырвав сочный ломоть, с довольным мурлыканьем и сладострастным причмокиванием, принялся за трапезу. Насытившись гусем до отвала, он плеснул себе смородиновой наливочки, и хмель ударил в голову – из груди вырвалась раздольная песня: «шумел камыш, деревья гнулись, а ночка лунною была...»

Часть 6.

Жизнь в деревне плелась неспешной нитью, день за днем. И часто, словно к родному очагу, шли местные жители к молодой колдунье Аглае. Недуг ли ребенка скрутил, ногу ли кто подвернул, пчела ли ужалила – все брели к ней, надеясь на исцеление. Не забывали и о скотине больной. Да мало ли какие бывают проблемы у деревенских людей. Аглая, с тихой, но неизменной готовностью, принимала всех.

Недавно забежала запыхавшаяся Надюшка, у которой сынишке уж второй годок разменял, а он все никак на ноги не встанет. Ползает, словно щенок у печки.

– Ты посмотри, Аглаюшка, может, с ножками беда какая? – слезно просила Надюша, глаза на мокром месте.

Осмотрела Аглая малыша, пошептала над ним заговор старинный, провела руками знающими возле пухлых ножек, стряхнула с ножек что-то невидимое и святой водой умыла. Успокоила встревоженную мать.

– Все хорошо с ножками твоего Алешки. Здоровый малыш. Завтра пойдет.

Утихла тревога в сердце Надюшином.

А на рассвете, сияющая от восторга Надюшка, с корзинкой, доверху набитой всякой всячиной, влетела к Аглае с вестью: её Алёшка не просто пошёл, а помчался, словно молодой жеребёнок, выпущенный на волю.

В круговороте будней Аглая находила мимолетное забвение от терзавших ее дум об Иване.

А в это самое время, когда лунный свет серебрил землю, у дома Любаши, на скамейке, двое предавались сладостным речам. В воздухе плыл пьянящий аромат васильков, смешиваясь с дурманящим запахом душистого табака, что словно сотканный из грез окутывал округу. Иван и Любаша, казалось, были в плену этой чарующей ночи. Их веселые речи, сплетаясь с тишиной летней ночи, не смолкали до самой зари.

С той первой встречи стали они неразлучны: бродили по росистым лугам, собирали лесные ягоды, пели песни под луной, плескались в прохладных водах реки, деля на двоих и радости, и мечты.

А в душе Аглаи, невидимый паук плел липкую паутину нить за нитью заполняя ее черной, разъедающей завистью. Земля уходила из-под ног молодой колдуньи, день мерк, превращаясь в зловещую, непроглядную мглу.

Шли дни, сменяя недели. Иван словно растворился в воздухе. Задушевные песни под гитару больше не звучали на вечерних посиделках, где прежде он был душой компании. Деревенские сплетницы шептались, что Иван по самые уши увяз в омуте любви Любашки, и теперь видит лишь ее одну, что нестерпимо жгло сердце Аглаи.

Однажды, покидая дом добродушной тетки Ефросиньи, у которой Аглая часто брала молоко, она невольно стала свидетельницей встречи с Иваном и Любашей.

Тёплый летний дождь застал Аглаю врасплох, и она укрылась под спасительным козырьком дома тетки Ифрасиньи. Небеса уже пробивались сквозь серую пелену, обещая скорое окончание ливня. Стоя в тени навеса, Аглая вдруг услышала девичий смех.

Любашка и Иван, промокшие до последней нитки, неслись по грязной улице босиком, их смех, чистый и заразительный, эхом разносился по окрестностям. Держась за руки, они казались воплощением беззаботной радости, танцующими под аккомпанемент летнего дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.